

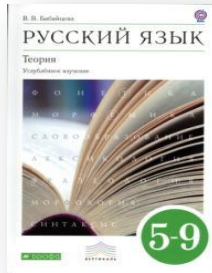
Филологический анализ рассказов И. А. Бунина («Лёгкое дыхание», «Роза Иерихона», «Суходол»)

Л. Д. Беднарская, доктор филологических наук,
профессор Орловского государственного университета,
автор компонентов УМК «Русский язык. Углубленный уровень» под
редакцией В. В. Бабайцевой

29 мая 2017

Филологическая направленность УМК В. В. Бабайцевой Русский язык (5-9) (углубленный уровень), Русский язык (10-11) (углубленный уровень)

- Постепенное разворачивание хронотопа составляет основу текстовой связности, на которой взаимодействуют грамматические и образные средства. Они в свою очередь сближаются на **тематической основе**, создаваемой общими семами. Эта создаваемая вселенная населяется образами, более яркими, чем в проявленной действительности. **Когезия текста** создаётся выстраиванием образов на ассоциативной основе, их соотнесённостью к подобным и противоположным образам, их системным связям.
- Наряду с темпоральным планом выделяют следующие **виды когезии: дистантные повторы ключевых понятий и образов, развитие и конкретизация гиперонима**, влияющее на нюансы информации, **ассоциативные цепочки**, организующие параллелизм или антитезу на основе развёрнутых метафор. Кроме перечисленных, можно назвать **авторские отступления, вставки разного объёма, энтимемы**, выстраивающие скрытые антитезы, с их помощью осуществляется смысловое углубление медитативного рассуждения и **расширение хронотопных рамок нарратива**. Эти композиционно-структурные формы когезии, «нарушая» линейность нарратива или медитативного рассуждения, углубляют смысловой потенциал текста. Особо отмечаются ритмико-образующие формы когезии прозаического текста.
- **Разные способы связности ССЦ и текста помогают расшифровать невысказанное автором прямо по принципу дополнительности.**

И.А. Бунин. Лёгкое дыхание.

- Первая смысловая часть рассказа И. Бунина «Лёгкое дыхание» включает три абзаца. Это описание цепной структуры. Первое предложение текста задаёт трагическую ноту:

На кладбище, над свежей глиняной насыпью, стоит новый крест из дуба, крепкий, тяжёлый гладкий.

Апрель, дни серые; памятники кладбища, просторного, уездного, ещё далеко видны сквозь голые деревья, и холодный ветер звенит фарфоровым венком у подножия креста.

В самый же крест вделан довольно большой, выпуклый фарфоровый медальон, а в медальоне фотографический портрет гимназистки, с радостными, поразительно живыми глазами.

Это Оля Мещерская.

- Возникает образ «радостных, поразительно живых глаз» над могилой, на холодном ветру грустного кладбища, проходящий через весь рассказ. Это точка отсчёта – авторское настоящее, момент порождения текста.

И.А. Бунин. Лёгкое дыхание.

- Вторая смысловая часть не членится на абзацы. В ней сосредоточена вся короткая жизнь Оли. Параллельная структура постепенно конкретизирует таинственный процесс превращения девочки в красавицу. Конкретизация несколько абстрагируется: опирается на местоимение *она* в разных формах:

Девочкой она** ничем не выделялась в толпе коричневых гимназических платьиц: что можно было сказать о ней, кроме того, что она из числа хорошеньких, богатых и счастливых девочек, что она способна, но шаловлива и очень беспечна к тем наставлениям, которые ей делает классная дама? **Затем она** стала расцветать, развиваться не по дням, а по часам. В четырнадцать лет **у неё**, при тонкой талии и стройных ножках, уже хорошо обрисовывались груди и все те формы, очарование которых ещё никогда не выразило человеческое слово; в пятнадцать **она** слыла уже красавицей. Как тщательно причёсывались некоторые **её** подруги, как чистоплотны были, как следили за своими сдержанными движениями! **А она** ничего не боялась – ни чернильных пятен на пальцах, ни раскрасневшегося лица, ни растрёпанных волос, ни заголившегося при падении на бегу колена. Без всяких **её** забот и усилий и как-то незаметно пришло **к ней** всё то, что так отличало **её** в последние два года из всей гимназии, – изящество, нарядность, ловкость, ясный блеск глаз. Никто не танцевал так на балах, как **Оля Мещерская**, никто не бегал так на коньках, как **она**, ни за кем на балах не ухаживали столько, сколько **за ней**, и **почему-то никого не любили так младшие классы, как её.

Незаметно стала она девушкой, и незаметно упрочилась её гимназическая слава, и уже пошли толки, что она ветрена, не может жить без поклонников и что в неё безумно влюблён гимназист Шеншин, что будто бы она его любит, но так изменчива в обращении с ним, что он покушался на самоубийство...

И.А. Бунин. Лёгкое дыхание.

- С первой точкой отсчёта переплетается вторая – рассказ о жизни и судьбе Оли. Актуализация временной дистанции точек отсчёта.
- Первое и последнее многокомпонентные предложения включают косвенную речь, оформленную как однородные придаточные предложения. Эта структура передаёт завистливые городские пересуды, пресловутое «общественное мнение», не выносящее существования «яркого, живого, прекрасного», которое «общественность», как правило, губит. Яркая благополучная Оля – предмет всеобщей недоброжелательной зависти, даже не осознаваемой, отсюда неистребимое желание приписать ей все те грехи, которыми в мыслях обуреваемы окружающие. Смысловая часть заканчивается многозначительным многоточием-энтимемой.
- На самом деле Оля не стремится быть красивой и даже, кажется, не особенно замечает свою красоту, всё получается само собой, её отличает врождённая, естественная нравственная чистота, в которой нет никакой сексуальности. Однако прекрасное творение Господа окружающими связывается с сексуальностью, *красотка* воспринимается только как будущая игрушка, предмет греховных вожделений. Автор исподволь выясняет причину её трагедии: она воспринимается окружающими как **объект наслаждения**, а не человек.

И.А. Бунин. Лёгкое дыхание.

- В прозаических произведениях малой формы (рассказах) повторы ключевых компонентов проявляются более наглядно, чем в объёмных жанрах. Проследим, как структурируется нелинейная импульсная семантическая связность в рассказе И.А. Бунина «Лёгкое дыхание».
- Рассказ начинается с эпилога: *«На кладбище, над свежей глиняной насыпью стоит новый крест из дуба, крепкий, тяжёлый, гладкий». С фарфорового медальона на кресте смотрит гимназистка «с радостными, поразительно живыми глазами».* Крест надёжно, безвозвратно упрятал эти «радостные глаза».
- Затем следует история Оли Мещерской. Бьющая ключом радость жизни, которую ей не приходит в голову скрывать, отличает её от всех. *«Ясный блеск глаз»* подчёркивается ещё раз. *«В последнюю свою зиму ... Оля с ума сошла от веселья».* Что же изменилось? Оля беседует с начальницей, *«глядя на неё ясно и живо, но без всякого выражения на лице».* Можно себе представить одиночество девочки, её страх, который не давал ей признаться родителям, отвращение к тому, что случилось. Надо было высказаться, открыться взрослому человеку, поделиться тяжестью постыдной тайны, немного облегчить непосильную ношу. Отсутствие *«всякого выражения на лице»* говорит, сколько сил понадобилось, чтобы пережить боль предательства взрослого человека. Значит, веселье *«в последнюю зиму»* – это маска, за которой скрывается отчаяние. И у «мудрого» педагога она не находит поддержки. Связь с офицером, скорее всего, осознанное планирование и осуществление самоубийства. В дневнике – детские мысли, наивные слова и страшное горе одиночества...

И.А. Бунин. Лёгкое дыхание.

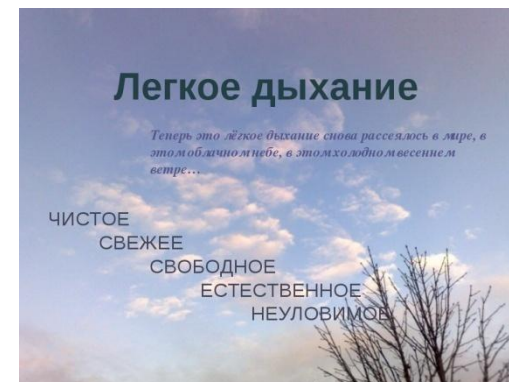
- Точка отсчёта рассказа о судьбе Оли возвращается к началу рассказа, совпадающему с эпилогом её судьбы, определяет основную антитезу рассказа: только «*глаза бессмертно сияют*» с фарфорового медальона на кресте. Радость жизни срезана на взлёте. «*Теперь это лёгкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре*».
- Другой антитезой девочке, живущей своей прекрасной, естественной, пусть и такой короткой, жизнью, является классная дама Оли, которая живёт чужими жизнями. Она вмещает ту пугающую пустоту, которая окружала и убила Олю. Её выдумкой был брат, а когда его убили, она придумала себе новую мечту и живёт ею в иллюзии, отгораживаясь от действительности. Не принимает серая плоская обыденщина настоящую искрящуюся радость бытия и мстит за неё ...
- Темпоральную связность рассказа обеспечивают постоянные временные смещения, выражающие разные «точки отсчёта». Настоящее связано с образом автора-рассказчика, прошедшее в его ретроспективно-дискретной реализации – с образом Оли Мещерской, настоящее классной дамы вмещает и прошедшую и будущую её жизнь, формируя антитезу: яркая реальная насыщенная энергией жизнь Оли – и никому не интересная пустая судьба, выдуманная жизнь классной дамы.
- Так автор моделирует перцептивное, надтекстовое время, выражая свою оценку не напрямую, давая возможность читателю определиться самому, без подсказок. В организации субъективного времени проявляется лиризм рассказа: временные планы объективного времени полностью зависят от точки зрения рассказчика, они постоянно взаимодействуют, переплетаются.

И.А. Бунин. Лёгкое дыхание.

- Высокая степень повторяемости ключевых слов обуславливает их многозначность, семантическую осложнённость, реализацию в тексте их парадигматических, синтагматических, словообразовательных, дистрибутивных связей, их синтаксическое осложнение, высвечивающее актуализацию новых смыслов.
- Сквозные сюжетные тождества и оппозиции тоже базируются на повторе доминантных позиций, в первую очередь, ключевых слов. Когезия текста осуществляется доминантными дистантными словосочетаниями, она определяет основную внутреннюю антитезу рассказа, воплощающую его идею, с одной стороны: с *радостными, поразительно живыми глазами; ясный блеск глаз, глядя на неё ясно и живо, но без всякого выражения на лице; глаза бессмертно сияют;* с другой – *кладбище, тяжёлый дубовый крест, холодный ветер ...*

И.А. Бунин. Лёгкое дыхание.

- Небольшой рассказ совмещает несколько типов композиции, что позволяет добиться максимума эмоционально-смысловой нагрузки на минимуме объёма.
- Авторское обрамление в начале и конце (окольцовка) задаёт импульс обращения к вечности: «Апрель,... холодный ветер...» – «Теперь это лёгкое дыхание снова рассеялось в мире, в этом облачном небе, в этом холодном весеннем ветре».
- В рассказе есть черты «плетёной» композиции. Русло повествования размывается в сеть ручейков, авторская мысль возвращается в прошлое, забегает в будущее, перемещается в пространстве, раздвигая пространственно-временные рамки.
- В рассказе есть черты контрапункта. С одной стороны, история прежней жизни перемежается с настоящим, раскрывая внутренний мир героини, прошлое как бы живёт в настоящем, объясняет его. С другой стороны, не связанные между собой сюжетные линии совмещаются (Оля – классная дама). В результате своеобразного монтажа возникает совершенно новая эмоциональная и смысловая окраска основной сюжетной линии.

И.А. Бунин. Суходол.

- Повесть состоит из 10 главков. Главная лирическая героиня – Наталья, поэтический символ Суходола, её образ связывает все главки. Читатель встречается с Натальей в первом рамочном предложении повести: «*В Наталье всегда поражала нас её привязанность к Суходолу*». «*Молочная сестра нашего отца, выросшая с ним в одном доме*», оказывается главным ангелом-хранителем убывающей, постепенно тающей, вырождающейся семьи и той связующей нитью, которая соединяет лирического героя, молодой поросли этой семьи с легендарным прошлым угасшего рода, с волшебным, пленительным, непонятным миром предков, в чём-то страшном в своём неуёмном буйстве, в безграничном проявлении первобытных страстей, но исконно родным миром, отголоски которого автор ощущает в своей крови...
- Нянюшка детей, Наталья стоит у истоков их мирозерцания, самосознания. Она последний живой адекватный свидетель родовой, *нутряной* жизни. Она объединяет и взгляд со стороны, и рефлексию «изнутри», так как она не только раба, но и член семьи, плоть от плоти рода, понимает его суть, безошибочно чувствует суть своей родни, свою судьбу – быть при барышне Тоне.
- Наталья – часть духа Суходола, объединившая в своей душе и судьбе нераздельность крестьянства и дворянства. Лирический герой понимает причины оскудения семьи: животная бездельная жизнь не предусматривает серьёзного отношения к хозяйственным делам, а рождает необузданные страсти – от бешеной любви до убийства..., но это и притягивает потомка к легендарным временам.

И. А. БУНИН

Суходол

И.А. Бунин. Суходол.

- Вторая глава повествует о собственном восприятии автором Суходола, когда он попал туда «уже в позднем отрочестве». Временные пласты преломляются, накладываются друг на друга. Доминанта поэтического рассказа: «Помню...», подготовленная «главной сказительницей» этой жизни Натальей. Главный мотив этой главы – очарование иллюзиями, отголоски которого слышны и далее.
- С третьей главы начинают разворачиваться судьбы обитателей Суходола, рассказанные Натальей и корректируемые автором. Первая в этом ряду – тётя Тоня, погибшая «от любви». Параллельно с повествованием о её роковой любви вскользь, некоторыми таинственными мазками, сообщается об истории единственной и тоже роковой любви Натальи к барину Петру Петровичу, не понявшему, что его украденное зеркальце – единственное, что соединяло Наталью с предметом обожания. История с зеркальцем, счастьем общения с ним и расплатой за «преступление» пронизывает большую часть воспоминаний. Воспоминания автора и Натальи переплетаются, оживляются диалогами, воспроизведёнными автором в собственной памяти. Инстинктивное осознание Натальи родственности судеб и привело её после восьмилетней ссылки к пониманию своего предназначения – быть рядом с несчастной сумасшедшей кровной сестрой Тоней.

И.А. Бунин. Суходол.

- В четвёртой главке разворачивается история семьи времён прадеда, который был человеком богатым, «только под старость переселился из-под Курска в Суходол: не любил наших мест, их глуши, лесов». Эта история в своей основе тоже имеет поэтические рассказы Натальи, переосмысленные уже взрослым автором. Поэтическая душа была и у дедушки Петра Кириллыча, который «тронулся от любовной тоски после смерти красавицы бабушки». Часть четвёртой, пятая и шестая главки – авторское изложение рассказов Натальи о молодых барах, о смертном соперничестве кровных братьев – Петра Петровича и Герваськи, барина и холопа, в котором неизменно побеждал холоп. Переплетение точек зрения рассказчиков определяет сложные совмещения временных планов объективного и субъективного времени, интерпретация объективного времени полностью зависит от субъективного времени рассказчиков: «Это точка, где прошлое соприкасается с будущим, а будущее с прошлым... Условно это можно назвать и «вечным настоящим», или динамической вечностью». Такая «динамическая вечность» характерна для лиро-эпических жанров. Объективация темпоральных отношений всё время смещается из реальности в поэтический вымысел, очаровательные иллюзии и «додумывания».
- Страшное утро убийства дедушки автор воспроизводит «от себя». Подробное эмоциональное описание интерьера, пейзажа, воспринимаемых в настоящем постоянном, воссоздание рокового момента убийства принадлежит автору

И.А. Бунин. Суходол.

- Лирическая обратимость времени присутствует и в седьмой главке, которая начинается с возвращения Натальи в Суходол и её новой должности при барышне, а затем продолжается описанием жизни в ссылке в Сошках в семье хохлов: *«И в одиночестве, медленно испила Наташка первую, горько-сладкую отраву неразделённой любви, перестрадала свой стыд, ревность, страшные и милые сны, часто сновившиеся ей по ночам, несбыточные мечты и ожидания, долго томившие её в молчаливые степные дни. Часто жгучая обида сменялась в её сердце нежностью, страсть и отчаяние – покорностью, желанием самого скромного, незаметного существования близ него, любви, навеки скрытой от всех и ничего не ждущей, ничего не требующей»*. «Диалектика души» Натальи оказалась выше, чище, глубже, чем у Тони, потому что она сумела усмирить своё эго. Самые главные уроки жизни, нравственности и любви, которые он смог сформулировать впоследствии, дала автору-поэту его поэт-нянюшка Наталья.
- Главки восьмая и девятая повествуют о последующих будничных годах в Суходоле, запомнившихся страшными событиями: смертью Петра Петровича, пожаром.
- Сильные позиции текста постоянно воспроизводятся: каждая главка, кроме последней, начинается с Натальи, с отсылок к её рассказам. В хронотопе повести переплетаются воспоминания – иллюзии – ушедшая жизнь и скудная реальность – на фоне вечности. Недаром одним из основных связующих элементов выступают лексемы с семантикой «память». Сюжет эмоционально объединяет чувство грусти по ушедшей жизни. Причудливо переплетаются «точки отсчёта» рассказчиков. Источник воспоминаний – живой свидетель Наталья, но и в её пересказе прошедшая жизнь предстаёт не реальной, а окрашенной её поэтическим флёром, её лирическим мировосприятием. В интерпретации второго рассказчика-автора эта жизнь – уже легенда.
- Десятая главка – элегия о суходольской жизни, «полудикой простоте существования», постепенно исчезающей с лица земли, с точки зрения уже взрослого автора.
- **Конец повести ассоциируется с лирическим стихотворением. Обобщённое лицо.**

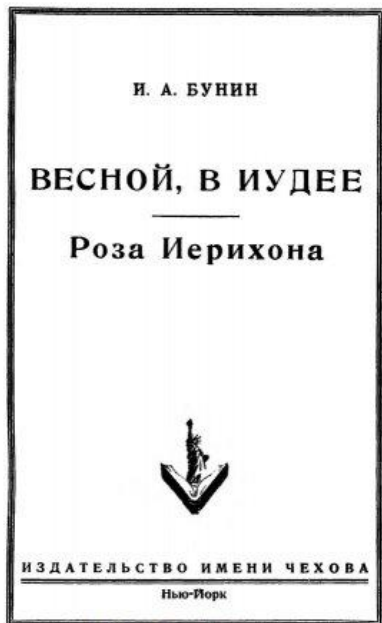

«РОЗА МОЕГО ИЕРИХОНА» (о миниатюре И. Бунина «Роза Иерихона»)

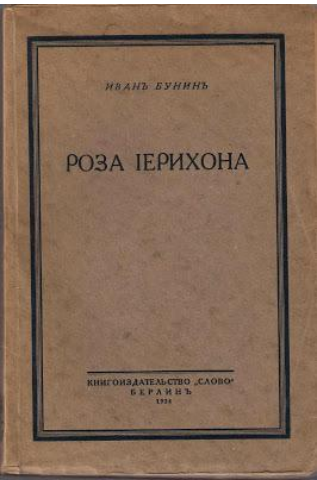
- Первый абзац состоит из одного предложения, в котором названы и тема, и ключевые слова философских раздумий автора: "*вера в жизнь вечную, в воскресение из мёртвых*". Эти понятия, несомненно, связаны с идеей реинкарнации, о которой И.А. Бунин узнал, путешествуя ещё в молодости по югу и востоку, но осознаются они христианином, как бы вскользь, безотносительно к себе. В первом же предложении мотив надежды задан, и в дальнейшем он начинает звучать всё яснее.
- Второй абзац начинается с авторской оценки, которая включает земное пояснение образа-символа воскресения, комментирует его. Заканчивается эта часть удивительными словами: "*наиболее сладчайший*", автор употребляет две формы превосходной степени для выражения самого главного, с его точки зрения, земного понятия. С одной стороны это понятие существует на земле, но символизирует высокое духовное проникновение в "жизнь вечную".

«РОЗА МОЕГО ИЕРИХОНА»

(о миниатюре И. Бунина «Роза Иерихона»)

- Тема любви и памяти становится основной, "утешающей" изгнанника. Это память о молодости, об успехе, о начале семейной счастливой жизни, о первых путешествиях в дальние страны. Этот абзац вмещает в себя содержание всех предыдущих по типу присоединения – начинается он с дейксиса **так**, в котором сосредоточено всё, что автор сказал ранее.
- Четвёртый, заключительный, абзац завершает кольцевую композицию стихотворения в прозе, его открывает именительный представления, в котором отсутствует восклицательная интонация: **Роза Иерихона** – это внутреннее, сокровенное, лишённое аффекта размышление. Ключевой образ произведения здесь целиком интерпретируется как символ памяти – памяти о прежней жизни дома, о самых счастливых годах, и шире – памяти о главных человеческих ценностях – вечной памяти души и Духа. *"Те же птицы небесные"* поют и сейчас, потому что они поют вечно, независимо от земных бурь и потрясений людских.
- "Роза Иерихона" становится "Розой **моего** Иерихона" – **моей** вечной Души, **моего** неугасимого, вечного Духа, который понимается автором как вечная Память сердца – его *"живая вода, чистая влага любви"*, потому что ни Память, ни Душу невозможно отнять, они принадлежат Богу и **мне**.

«РОЗА МОЕГО ИЕРИХОНА» (о миниатюре И. Бунина «Роза Иерихона»)

- Лексический план стихотворения неразделимо связан с его композицией. Стихотворение насыщено реминисценциями, которые делают его объёмнее, включают весь тысячелетний человеческий сердечный опыт Любви и Жизни. Это, прежде всего, христианские понятия: "жизнь вечная", "воскресение из мёртвых". Многие люди мертвы уже при жизни, они превратились в камни, и вряд ли когда-нибудь возродятся их души, потому что в них нет "живой воды, чистой влаги любви". Мертва, иссушена страданиями и гневом, нищетой и чувствами обиды и мести душа самого автора, но это временное помрачение – результат гнева, боли, болезни, невозвратимых утрат.
- Воскреснуть из мёртвых можно и при жизни. Перед нами начавшийся процесс такого чудесного, сокровенного воскрешения.
- Ключевой образ-символ связывается с конкретным земным образом чудесного растения – дикого волчца, – названного преподобным Саввой *"наиболее сладчайшим из ведомых ему земных сравнений"*.
- *"Этот волчец воистину чудесен"*, потому что он олицетворение надежды, поддерживающей в земной юдоли, он самый проникновенный и сокровенный символ бессмертия земного, он же питает осознание душой своего собственного бессмертия. И тогда смешными становятся земные страдания, горчайшие потери...

«РОЗА МОЕГО ИЕРИХОНА» (о миниатюре И. Бунина «Роза Иерихона»)

Роза Иерихона

«В живую воду сердца, в чистую влагу любви, печали и нежности погружаю я корни и стебли моего прошлого — и вот опять, опять дивно прозябает мой заветный знак».

- Обилие и разнообразие обособленных и необособленных определений, согласованных и несогласованных, приложений, создают неповторимое волнообразное движение, напоминающее одновременно и рисунок низких барханов в Синайской пустыне, и гладь Мёртвого моря – Землю древнюю, Землю вечную...
- Усложнённые сложноподчинённые предложения с однородными придаточными, простые предложения с несколькими рядами однородных членов создают мелодику периода, хотя структуры классического периода в стихотворении нет.
- Инверсия во всех смысловых частях создаёт поэтическую актуализацию, которую ещё более подчёркивают авторские тире.
- В центрах второго и четвёртого абзацев союз **но** создаёт напряжение антитезы благословенной вечной тишины "светоносных" стран и бури в душе автора. Собственно, это и есть центральная антитеза стихотворения, которая разрешается в заключительном абзаце.

ОБЪЕДИНЕННАЯ
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

Благодарим за внимание!

Контакты для связи:
+7(903)664-8169
bednarskaya.l.d@mail.ru

drofa-ventana.ru

[drofapublishing](https://www.youtube.com/drofapublishing)

[drofa.ventana](https://vk.com/drofa.ventana)

[drofa.ventana](https://www.facebook.com/drofa.ventana)

[drofa.ventana](https://www.ok.ru/drofa.ventana)